

6. *Егоров О. Г.* Русский литературный дневник XIX века. История и теория жанра. Исследование. М., 2003.
7. *Ермичёв А. А.* Религиозно-философское общество в Петербурге (1907 – 1917). Хроника заседаний. СПб., 2007.
8. *Колядич Т. М.* Воспоминания писателей. Проблемы поэтики жанра. М., 1998.
9. *Матич О.* Эротическая утопия: новое религиозное сознание и fin de siecle в России. М., 2008.
10. *Михеев М. Ю.* Фактографическая проза, или пред-текст. Дневники, записные книжки, «обыденная» литература // Человек. 2004. № 2.
11. ОР РНБ. Ф. 322.

А. С. Литовченко

Ивановский государственный университет

«ЛЕГЕНДА О ВЕЛИКОМ ИНКВИЗИТОРЕ» И ЕЕ ФРАНЦУЗСКИЙ АНАЛОГ В КНИГЕ М. ВОЛОШИНА «ЛИКИ ТВОРЧЕСТВА»

Сборник критико-эссеистских статей М. А. Волошина «Лики творчества», вышедший в 1914 году, занимает видное место в литературной эпохе Серебряного века. Одной из особенностей ее разностороннего содержания является пристальное внимание автора к французской литературной культуре, которую Волошин хорошо знал, так как несколько лет прожил и проработал в Париже (6).

Одним из французских авторов, привлекающих особое внимание Волошина-критика, является Огюст Вилье де Лиль-Адан (Jean-Marie-Matthieu-Philippe-Auguste Villiers de l'Isle Adam) (1838 – 1889) – французский писатель, потомок одного из древних аристократических родов, известный в свое время как автор романов, драм и многочисленных новелл (2, 8, 9, 10). Волошин посвящает его творчеству отдельную статью под названием «Апофеоз мечты», в центре которой драматическая поэма-трагедия Вилье де Лиль-Адана «Аксель». Волошину принадлежит один из лучших ее переводов, и не удивительно, что он дает ей высокую оценку. Особенно интересным выглядит здесь сопоставление этого произведения с романом Достоевского «Братья Карамазовы», а именно с «Легендой о великом инквизиторе». Обращение к гению Достоевского в «Апофеозе мечты» выглядит не только оправданным, но и глубоким по смысловому решению: Волошин-критик воспринимает французскую литературную культуру в контексте великой традиции литературы русской.

М. Волошину было хорошо известно, что Вилье де Лиль-Адан прочитал «Легенду о великом инквизиторе», переведенную на французский и опубликованную в журнале «Revue blanche», и, как указывает Т. Никольская, Волошин также знал и то, что Вилье де Лиль-Адану не понравилась трактовка темы «Легенды» Достоевским, и вследствие этого он сочинил собственную историю, воплотившуюся в трагедии «Аксель» (5 : 605).

Персонажи, которых сопоставляет Волошин – Архидиакон из «Акселя» и инквизитор из «Легенды о великом инквизиторе», – рассматриваются им как ключевые фигуры в сознании обоих авторов. Они, по мысли Волошина, выражают

общую идею о достижении религиозной добродетели путем принуждения, когда священное лицо выступает в роли вершителя человеческих судеб. «Вилье де Лиль-Адан, – отмечает Волошин, – находит слова и формулы, которые как бы сосредоточивают в себе возбужденную и отрывистую речь Достоевского, растекшуюся на многих страницах» (1 : 16). Обнаруживая сходные черты в речевой характеристике героев, Волошин констатирует различия этих персонажей в типологическом плане. При сопоставлении образов Архидиакона и Великого инквизитора критик идет от частного к общему – от характеристики конкретных литературных героев до особенностей воплощения в них «верховой идеи», несущей в себе отзвуки национального сознания. При этом нельзя не увидеть, что за персонажами Вилье де Лиль-Адана стоит не менее мощная традиция, чем у Достоевского, герои которого являются выразителями общей христианской идеи их создателя (4). У французского автора, как показывает Волошин, авторская концепция пронизана объемной гуманистической идеей, раскрывающей, по мысли критика, особенности завершающего этапа развития человечества. Кроме того, отмечает Волошин, Архидиакон, в отличие от Великого инквизитора, – реалистически прописанный персонаж, с тонко мотивированным психологическим содержанием. «Для Достоевского великий инквизитор лишь грандиозный и далекий символ, носитель его слова, а в лице Архидиакона встает весь исторический, почти бытовой, тип римского священника, и все великие символы, которые мы старались выявить в нашем анализе, скрыты под самыми реальными психологическими чертами» (1 : 17), – отмечает Волошин. По его мнению, различия этих двух персонажей начинают отчетливо проявляться, когда слова Архидиакона «принимают характер дьявольского сарказма: нежность и жестокость переплетаются в его словах, как в исступлениях чувственности» (1 : 17), и таким образом, в священнослужителе происходит переломное столкновение благословляющих и обличающих интенций, в котором светлая сторона оказывается сильнее.

Но подлинные истоки сходства этих произведений М. Волошин видит в том, что оба автора являются прежде всего носителями религиозного сознания: то, что «Вилье де Лиль-Адан был не менее искренним католиком, чем Достоевский – православным, представляет необыкновенный интерес для сравнения латинского гения с гением славянским» (1 : 14), – подчеркивает Волошин.

Переключку французского писателя с великим творением Достоевского Волошин находит в связи с образом Януса, явившегося «выразителем тех идей божественной свободы, которую несет Христос в поэме Ивана Карамазова». Причем, если в «Легенде о великом инквизиторе» это основополагающий образ, то у Вилье де Лиль-Адана он присутствует имплицитно: «Имя Христа не упоминается ни разу в словах Януса, но все же его речи являются как бы развитием текста “*Omnis Christianus Cristus est*”, уроненного как бы мимоходом в первом действии» (1 : 18). Интересно, что Аксель, центральный персонаж трагедии, ассоциируется в сознании Волошина и с образом Кириллова из романа Достоевского «Бесы». Здесь возникает серия противопоставлений, на которых Волошин выстраивает свою мысль об особенностях выражения в литературе духа личностного самосознания. Согласно его концепции, «Кириллов – это первый младенческий лепет сознания, Аксель же завершение, увенчание огромной исторической культуры, расцветший цветок целой расы, последний удар ступни, которым человечество, заканчивая свой танец, отталкивает ненужную больше землю» (1 : 23).

Почему именно Достоевский стал для Волошина объектом критической мысли в статье, посвященной французскому писателю? Как полагает Э. Розенталь, «и Достоевский, и Волошин подолгу жили во Франции, любили ее, но полагали, что Запад уже выполнил свое историческое предназначение, дал миру высокие образцы культуры и искусства» (7 : 131). Однако есть более глубокий ответ на этот вопрос. Как утверждает Е. Завадская, «вслед за Достоевским Волошин утверждал своей жизнью и творчеством открытость к чужому, любовь к европейской и восточной культуре как к своей и порой даже большую, чем к своей. Именно эта “открытость” и способность почувствовать чужое как свое осознаются Достоевским и Волошиным как суть и дух подлинной русской культуры» (3 : 49).

Библиографический список

1. *Волошин М.* Лики творчества. Л., 1988.
2. *Гурмон Р. де.* Книга масок. Томск, 1996.
3. *Завадская Е.* Поэтика Киммерийского пейзажа в акварелях М. А. Волошина (Отзвуки культуры Востока) // Волошинские чтения / под ред. Т. Макагонова. М., 1981.
4. *Касаткина Т. А.* Авторская позиция в произведениях Достоевского // Вопросы литературы. 2008. № 1. С. 196–226.
5. *Никольская Т.* Примечания // Волошин М. Лики творчества. Л., 1988.
6. *Пинаев С.* Максимилиан Волошин, или Себя забывший Бог. М., 2005.
7. *Розенталь Э.* Планета Макса Волошина. М., 2000.
8. *Bourre J.-P.* Villiers de L'Isle Adam: Splendeur et misere. Paris, 2002.
9. *Jolly G.* Dramaturgie de Villiers de L'Isle-Adam. Paris, 2002.
10. *Raitt A. W.* Villiers de l'Isle-Adam et le mouvement symboliste. Paris, 1965.

М. А. Александрова

Орловский государственный университет

«КЛЮЧИ МАРИИ» КАК ОСНОВА ДУХОВНОЙ КОНЦЕПЦИИ С. А. ЕСЕНИНА

«Мария на языке хлыстов шелапутского толку означает душу», – такое пояснение к названию трактата в шмуцтитуле даёт С. А. Есенин. В комментариях, опубликованных в полном собрании сочинений Есенина, говорится следующее: «По содержанию есенинского примечания можно предположить, что источником для него послужило исследование епископа Алексия (в миру – А. Я. Дородницына) «Шелапутская община» (3 : 448). Религиозная секта «Хлысты» (первоначально «Христы», самоназвание «люди божьи» (11); либо от религиозного обряда самобичевания жгутами, прутьями (вербой) и др., хлыст – кнут) (7) возникла в России в конце XVII века среди крестьян нечёрнозёмной полосы. И. А. Маслов выдвигает версию, что название секты возникло от созвучного причитания Саваофа во время «радения» – одного из основных ритуалов в секте: «Хлыщу, хлыщу! Христа ищу!» (8).